

Комаров Д. Е.

УДК 94(47) «1941/1945»

DOI 10.54016/SVITOK.2022.76.46.009

СУДЬБА И ТРАГЕДИЯ КОМАНДИРА 38-Й СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ, ПОГИБШЕЙ В ВЯЗЕМСКОЙ ОБОРОНИТЕЛЬНОЙ ОПЕРАЦИИ ОКТЯБРЯ 1941 Г.

Аннотация: В представленной статье рассматривается судьба одного из представителей старшего командного состава РККА полковника Максима Гавриловича Кириллова. В должности командира 38-й стрелковой дивизии он участвовал в Вяземской оборонительной операции октября 1941 г. Полковник, командуя дивизией, сражался с врагом, был разбит, пленен, возглавил партизанский отряд, обвинен в «измене Родине» и расстрелян.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, 38-я стрелковая дивизия, Вяземская оборонительная операция, полковник Максим Гаврилович Кириллов.

Komarov D. E.

*Doctor of History, Associate Professor, Smolensk Cossack Industrial
College of Technologies and Business*

THE FATE AND TRAGEDY OF THE COMMANDER OF THE 38TH RIFLE DIVISION WHO DIED IN THE VYAZMA DEFENSIVE OPERATION IN OCTOBER 1941

Annotation. In the presented article, the fate of one of the representatives of the senior command staff of the Red Army, Colonel Maxim Gavrilovich Kirillov, is considered. As commander of the 38th rifle division, he participated in the Vyazma defensive operation in October 1941. The colonel, commanding the division, fought the enemy, was defeated, captured, led a partisan detachment, accused of “treason” and shot.

Key words: the Great Patriotic War, 38th Infantry Division, Vyazma defensive operation, Colonel Maxim Gavrilovich Kirillov.

Начальный период Великой Отечественной войны стал для Красной Армии и всего советского государства временем тяжелейших

и трагических испытаний. Противник успешно и эффективно применял тактику глубоких охватов и окружений советских войск. Всего войскам врага за кампанию 1941 г. удалось создать более десяти так называемых «котлов». Наша армия, как показал ход развития событий, оказалась не готовой к развитию именно такой ситуации. Эффективно противодействовать навязанной противником, в руках которого находилась стратегическая инициатива, тактики и стратегии ведения боевых действий ни командный, ни рядовой состав РККА оказались не в силах. Несмотря на проявляемое мужество и героизм, враг продвигался в глубь нашей страны. Одной из самых масштабных трагедий начального периода войны стала Вяземская оборонительная операция октября 1941 г., в которой были разбиты и окружены основные силы советских Западного и Резервного фронтов. По утвердившимся к настоящему моменту данным, в общей сложности, в «окружение под Вязьмой» попали: 37 дивизий, 9 танковых бригад, 31 артиллерийский полк и 4 полевых управления армий (19, 20, 24 и 32-й). Вне общих котлов было окружено 5 дивизий и 4 артполка РК [3, с. 225–226; 5, с. 274].

Таким образом, в вяземском окружении оказалось около ста офицеров старшего командного состава РККА, непосредственно командовавших частями и соединениями уровня бригада-дивизия-армия. По-разному сложились судьбы этих людей: одним удалось пробиться с остатками своих частей к своим, другие погибли, кто-то оказался в плену. Но были и те командиры, которые, оказавшись во вражеском тылу, смогли продолжить борьбу с врагом в партизанских отрядах. К числу таких командиров можно отнести полковника Кириллова Максима Гавриловича, командира 38-й стрелковой дивизии Западного фронта. Оказавшись в окружении, полковник Кириллов сформировал один из самых многочисленных и боевых партизанских отрядов на Смоленщине «Смерть фашизму». Однако в марте 1942 г. он был вызван на «Большую землю», арестован и обвиненный в измене Родине расстрелян. При таком поверхностном изучении вопроса у любого человека возникнет горькое чувство несправедливости — комдив оказался в окружении, не сложил оружия, продолжил борьбу с врагом в составе партизанского отряда и так несправедливо был осужден. Попытаемся разобраться в этом одном из тысяч и тысяч эпизодов военной действительности, тем более что данная тема довольно активно обсуждается в печати и сети Интернет.

До недавнего времени о полковнике Кириллове, как участнике вяземской катастрофы, умалчивалось (исключения составляют мемуары К. К. Рокоссовского [13], но там речь идет о Смоленском сражении). Од-

новременно с этим умалчивалась и его роль в организации и руководстве партизанским движением на Смоленщине. Например, в книгах и архивных материалах часто не упоминается о том, что именно полковник Кириллов стал первым командиром известного партизанского отряда «Смерть фашизму». Везде, как правило, упоминается майор Жабо, принявший командование отрядом только в марте 1942 г. [14 с. 171; 9] Имелись лишь отдельные упоминания о Кириллове. Например, в книге о Хватово-Заводском подпольном госпитале автор М. Тверд упоминает полковника Кириллова как руководителя партизанского движения. Но это связано с тем, что автор, который, будучи раненым, сам был вылеченным местными жителями в этом госпитале, скорее всего не знал о дальнейшей судьбе Кириллова [15].

Затем с середины 1990-х годов личность комдива 38-й стрелковой дивизии становится объектом внимания многих исследователей. Однако теперь акценты серьезно сместились, на смену умалчивания и официально-государственного отношения к Кирилову как к изменнику Родины пришли попытки показать полковника как пострадавшего от незаконных сталинских репрессий и одновременно жертвы интриг старшего генералитета и партийной номенклатуры [18; 10]. Такие «разночтения» в оценках, как правило, возникают из-за смены политической конъюнктуры или в результате отсутствия возможности собрать достаточный и разноплановый материал для формулировки объективных выводов.

Сейчас в распоряжении исследователей собрано, на наш взгляд, определенное число фактов и свидетельств, позволяющих дать предельно объективную характеристику полковнику Кириллову как военачальнику и человеку. Большую работу в этом направлении проделал профессиональный сотрудник военной прокуратуры, видный исследователь вопросов советской судебной-карательной системы эпохи сталинизма В. Е. Звягинцев. В своем капитальном труде, посвященном деятельности судебных органов в период 1941–1945 гг. [4], делу полковника М. Г. Кириллова автор посвятил почти 30 страниц, введя в оборот не только материалы следствия 1942 г., но и результаты пересмотра дела в 1989–1991 гг. Трагической судьбе Кириллова посвятил статью «Восстанавливая справедливость» в газете «Красная звезда» в 2012 г. полковник юстиции Игорь Цырендоржиев [17]. Однако в указанных работах авторы использовали материалы надзорного производства Главной военной прокуратуры, проводимого в начале 1990-х годов (непосредственно с материалами дела 1942 г. авторы не работали).

Восстановить хронику событий, связанную с 38-й сд и ее командиром, позволяют материалы следственного дела М. Г. Кириллова, хранящиеся в архивном отделе УФСБ России по Смоленской области. Дело достаточно объемное и состоит из протоколов допроса самого Кириллова, медсестры Орловой, которая, начиная со Смоленского сражения и до самого ареста, находилась рядом с комдивом и была вместе с ним арестована; свидетельских показаний, протоколов обыска; приговора; справки о реабилитации [1]. В 1991 г. дело полковника было пересмотрено и доказано, что в отношении него было допущено нарушение законности, а сам Кириллов был реабилитирован.

Жизненный путь Максима Гавриловича во многом был похож на судьбу большинства старших командиров Красной Армии, достигших к началу войны званий полковников и выше и должностей начиная от командиров бригад, дивизий и корпусов до командующих армиями и округами. Как правило, это были люди чуть старше 40 лет (сам Максим Гаврилович родился 5 мая 1896 г.), выходцы из городских или крестьянских низов, участники Первой мировой войны, добровольно вступившие в Красную армию, активно и героически участвовавшие в Гражданской войне и продвигавшиеся с различной скоростью по иерархической лестнице РККА в 1920-е — 1930-е гг. Такой же путь формирования военной карьеры прошел и полковник Кириллов. С апреля 1938 г. приказом наркома обороны он был назначен командиром 38-й Донской дивизии в составе Северо-Кавказского военного округа. Это была не только самая прославленная и боеспособная дивизия округа, но и всей Красной Армии. Дивизий с таким героическим и заслуженным названием, как 38-я Донская Краснознаменная ордена Ленина Морозовско-Донецкая стрелковая дивизия имени Анастаса Ивановича Микояна, были единицы во всей РККА. Комдив умело и энергично командовал дивизией, и по итогам инспекторской проверки наркомом обороны осенью 1940 г. Донская дивизия была признана лучшей в Северо-Кавказском военном округе. 5 мая 1941 г. Кириллов успешно завершил обучение на курсах усовершенствования высшего начальствующего состава при Военной академии имени Фрунзе. К началу Великой Отечественной войны он был награжден орденом Красного Знамени и медалью «20 лет РККА».

Еще в мае 1941 г. в ходе «скрытной мобилизации» и усиления западной границы СССР 38-я сд в составе 19-й армии была передислоцирована в УССР в район Белой Церкви. С началом войны и обострением ситуации на западном стратегическом направлении дивизия перебрасывается на Смоленщину и практически с колес вступает в бой в районе Ярцева.

Здесь дивизия полковника Кириллова совместно с 101-й танковой дивизией под общим командованием генерал-майора К. К. Рокоссовского участвует в стремительном освобождении города Ярцево. Комдив показал себя талантливым и бесстрашным командиром. Доказательством этого является характеристика, данная на Кириллова командующим 19-й армией И. С. Коневым 27 июля 1941 г. в разгар Смоленского сражения: «Командир 38-й дивизии, полковник Кириллов, храбрый, стойкий командир дивизии... Дивизией командовать может...» [2, с. 97].

После этого дивизия под командованием полковника Кириллова принимает участие в летне-осенних боях на смоленской земле. С сентября 1941 г. прикрывает ответственный участок обороны на Московском направлении в районе Ярцево, в районе шоссе Минск–Москва (в районе г. Ярцево), которое наше командование считало наиболее опасным. Дивизия занимала беспрецедентно узкий по меркам начального периода войны фронт в 4 км с численностью 10 095 человек при 202 пулеметах, 68 орудиях и минометах [5, с. 218].

2 октября 1941 г. противник, начав операцию «Тайфун», нанес удар севернее и южнее трассы Минск–Москва, прорвал нашу оборону и стал стремительно продвигаться к Вязьме, окружая основные силы Западного и Резервного фронтов. Дивизия получила приказ на отход, практически за несколько часов до того, как враг захватил Вязьму и закрыл кольцо окружения. Дивизия, совершавшая отход по Старой Смоленской дороге через Дорогобуж — Семлево в направлении на Вязьму (один полк отходил в арьергарде наших войск по Минскому шоссе), вместе с другими частями Западного и Резервного фронтов оказалась в окружении.

Со слов полковника Кириллова, 9 октября была предпринята попытка прорываться на восток, однако она не удалась. На следующий день танковым ударом был уничтожен командный пункт дивизии, войска которой были рассеяны и рассеяны [1, л. 24]. Продолжая выполнять приказ, Кириллов 11–12 октября 1941 г. собрал вокруг себя 4–5 батальонов пехоты и полк корпусной артиллерии. Было принято решение прорываться в направлении деревни Стогово, но сильный огонь противника «заставил рассредоточиться, и связь с частями была потеряна» [1, л. 24 об.]. К утру 13.10. вместе с Кирилловым оставалась группа 50–70 человек. Достигнув леса у д. Мишенка, полковник организовал круговую оборону, подчинив себе отдельные группы красноармейцев общей численностью до 2-х рот. В ходе боев полковник был ранен в руку.

В условии полного окружения Кириллов принимает решение разбиться на отдельные группы и пытаться пробиться к своим. Со слов

Кириллова он со своей группой «скитался 2–3 дня», а 15 октября группа была обнаружена противником и рассеяна. Кириллов остался один с медсестрой Орловой. Последующие дни раненый полковник с медсестрой Орловой жил в лесном блиндаже. 9 ноября 1941 г. блиндаж был обнаружен немцами. Трое немецких солдат подошли к блиндажу и приказали выйти. Ни Кириллов, ни Орлова сопротивления немцам не оказали.

Пленных немцы отправили в поселок Кайдаково (10 км от Вязьмы) в госпиталь военнопленных, где находилось до 400 человек. Там Кириллову была оказана помощь, но немецкие солдаты стали «принуждать здесь к сожительству Орлову». Пробыв в госпитале три дня, Кириллов и Орлова, пользуясь отсутствием охраны, бежали и направились в Семлевский район. Кириллов объяснял выбор этого маршрута тем, что он знал этот район, так как с 1926 по 1931 г. служил в Вязьме и принимал участие в формировании в этом районе батальона 86-го Володарского полка 29-й сд и одновременно являлся членом бюро Знаменского райкома ВКП(б) [1, л. 28].

В январе 1942 г., когда в ходе Ржевско-Вяземской наступательной операции южнее Вязьмы стали десантироваться части регулярной Красной Армии, Кириллов вступил в командование партизанским отрядом «Смерть фашизму».

Со слов Кириллова, отряд к марту 1942 г. насчитывал 1363 бойца, имел артиллерию. Отряд осуществил несколько операций. 1 марта на самолете У-2 в отряд прилетел майор Жабо с приказом командующего Западным фронтом сдать командование майору Жабо и явиться в штаб фронта вместе с Орловой, что и было выполнено. Поводом для вызова полковника Кириллова на «Большую землю» стало назначение его на должность командира 238-й стрелковой дивизии. 8 марта, по прибытии в штаб фронта, Максима Гавриловича арестовали сотрудники НКГБ. Была арестована и Ольга Петровна Орлова.

Приведенные выше свидетельства фиксируют факт того, что комдив оказался в окружении, не сложил оружия, продолжил борьбу с врагом, командуя партизанским отрядом. Его арест и последующее осуждение полковника к высшей мере довольно активно обсуждается в печати и сети Интернет как факт несправедливого и незаконного преследования. Однако детальное изучение ситуации раскрывает противоречивость и весь драматизм военной действительности.

Во-первых, он как военнослужащий, оказавшийся на оккупированной территории и в плену (непродолжительное время), подлежал про-

верке на предмет установления причин пленения и поведения в плену, согласно постановлению ГКО №1069сс от 17.12.1941 года «О создании пересыльных пунктов и спецлагерей для военнослужащих Красной Армии» [8, с. 14–15]. Во-вторых, уже в ходе следствия были установлены факты, тяжесть которых в реалиях военной действительности перевешивали все имеющиеся заслуги.

Как показывают материалы дела, следствие с первых же дней стремилось подвести доказательную базу под 58-ю статью 1б (в обычном обиходе «измена Родине»). В отношении полковника Кириллова было выдвинуто обвинение по шести пунктам.

Первое обвинение касалось «неспособности сохранить дивизию и виновность в ее разгроме». Следователями были изучены действия командива в период Вяземской оборонительной операции. В определенной степени это обвинение могло быть предъявлено к любому, оказавшемуся в критической ситуации в октябре 1941 г. в районе западнее Вязьмы. Управление теряли не только комдивы и комбриги, но и командармы. Известно, что с 5 октября командующий Резервным фронтом маршал Буденный не только потерял управление войсками, но и потерял связь со своим штабом. Имеются только единичные факты организованного прорыва или отхода крупных красноармейских групп со своим командованием и штабами, в основном это казалось дивизий вне основного кольца окружения.

Фактов невыполнения полковником Кирилловым приказов вышестоящего начальства отмечено не было. Маршрут движения его дивизии на восток соблюдался, кроме того он подчинял себе отбившиеся и «потерянные части и подразделения», спланировал и осуществил несколько попыток прорыва из окружения, к сожалению, оказавшихся неудачными. Как видим, это направление следствия не имело под собой доказательной основы, но в тексте обвинительного заключения оно присутствовало.

Серьезным обвинением в адрес Кириллова стало обвинение его в бездействии, находясь во вражеском тылу в течение четырех месяцев.

Только в январе 1942 г., с началом нашего наступления на Западном направлении, Кириллов приступил к формированию партизанского отряда и возглавил его. До этого момента он проживал в различных деревнях Семлевского района, сначала в деревне Мишенка, затем в д. Хватов-Завод.

Действительно, старший офицер в критической для страны ситуации, находясь во вражеском тылу, где имеются советско-партийные

подпольные органы, значительное число солдат-окруженцев, проживающих в крестьянских домах на правах «зятьков», не ведет борьбу с врагом. Данный факт бездействия во вражеском тылу полковник признал.

Следствие, в отличие от печально известных 1937–1938 гг., собрало доказательную базу предъявленного обвинения. В том числе был сделан запрос и за линию фронта. Опрошенные лица дали негативную оценку Кириллову как организатору и командиру партизанского отряда. В частности, первый секретарь Семлевского райкома ВКП (б) М. Лукьянов подтвердил, что Кириллов от неоднократных предложений возглавить партизанское движение на территории района отказывался [1, л. 126]. Ставить под сомнение объективность оценки одного из организаторов партизанского движения на Смоленщине М. Ф. Лукьянова у нас нет оснований.

В продолжение предыдущего Кириллову было выдвинуто и обвинение в неумелом руководстве отрядом, который в одном из боев «по его вине понес большие потери». Отряд «Смерть фашизму» в январь–феврале 1942 г. совместно с регулярными частями армии принимал участие в боях во вражеском тылу. Сам Кириллов на следствии отмечал три крупных боестолкновения с врагом: 19–20 января — бой с противником у с. Троицкое; 21–23 января — бой с разведкой противника у д. Медведково; 25 февраля — налет на Дебрянский разъезд, в ходе которого было «уничтожено 50 гитлеровцев, захвачено 9 платформ (7 с авиабомбами), 3 цистерны, 9 автомашин» [1, л. 34 об.]. Следствие проводило линию, что в «силу его предательского руководства, партизанская группа имела большие потери от фашистских войск». В дополнение к тому это обвинение было дополнено еще информацией о «бездеятельности и пьянстве» Кириллова, основанной на показаниях начальника особого отдела партизанского отряда Комарчука [4, с. 187].

В дополнение к тому Кириллова обвинили в контактах с изменниками Родины и даже вербовке германскими спецслужбами. Кириллов в период с ноября 1941 г. по январь 1942 г. проживал у своих знакомых в Семлевском и Знаменском районах, отдельные из них контактировали с захватчиками и даже пошли на службу к оккупантам. Кроме того при задержании у Максима Гавриловича было обнаружено 80 немецких марок, природу появления которых он не смог объяснить. Одновременно с этим все время до 8 марта 1942 г. рядом с полковником Кирилловым находилась санинструктор Орлова. Молодая девушка до войны проживала в Смоленске, искренне и преданно любила полковника (отмечу, что это именно она спустя десятилетия добьется его реабилитации), но одновре-

менно с этим она являлась дочерью врагов народа, репрессированных в предвоенный период. Для советской судебной-карательной системы сожительство старшего офицера с членом семьи врагов народа было вполне достаточным для вынесения сурового приговора.

В конечном итоге, практически все перечисленные выше обвинения легли в основу следующего обвинительного заключения: «Во время боевых действий Кириллов бросил руководство соединением, несколько суток скрывался вместе с Орловой в блиндаже, а затем сдался в плен немцам. При этом Кириллов был вооружен, однако никакого сопротивления не оказал. После пленения находился вместе с Орловой в немецком госпитале, откуда беспрепятственно ушел и в течение 3,5 месяцев проживал на оккупированной территории. Вступив по настоянию РК ВКП(б) в командование партизанской группой, бездействовал, пьянствовал, запрещал Орловой оказывать медицинскую помощь раненым и больным партизанам. В феврале 1942 г. группа под командованием Кириллова провела неудачную операцию против немцев, при этом потери среди партизан составили около 120 человек» [1]. Суд счел приведенные доказательства достаточными для квалификации дела по статье 58–1б УК РСФСР. Кириллов был приговорен к расстрелу, конфискации имущества, лишению званий и наград.

В деле полковника Кириллова огромную роль сыграла санинструктор Орлова, так же по решению суда осужденная на пять лет. Дождавшись изменения политического курса в нашей стране, в 1989 г. она написала письмо на имя Председателя Верховного суда СССР. В письме содержалась просьба пересмотреть дело в отношении Кириллова, и отмечалось, что «никаких личных отношений с фашистами у него не было, никогда он не изменял и не предавал свою Родину» [4, с. 186]. В ноябре 1989 г. в отношении М. Г. Кириллова было возбуждено производство по «вновь открывшимся обстоятельствам». Были изучены различные материалы и опрошены свидетели. По результатам следствия было выявлено, что обвинение Кириллова в измене Родины «является явно надуманным и противоречащим фактическим обстоятельствам дела» [4, с. 187].

Кроме того, при повторном рассмотрении дела было доказано, что расследовавший дело следователь Крупенков на допросах применял к Орловой и Кириллову физическое насилие с целью получения нужных показаний. Орлова подписывала свои показания, не читая их. Видела, как «некогда цветущий мужчина (Кириллов — прим.) за несколько месяцев превратился в инвалида, но при этом не упал духом...» [17].

В результате повторного рассмотрения дела Главная Военная прокуратура сняла с Кириллова обвинение в измене Родине. Налицо было явное стремление следствия придать делу полковника «контрреволюционную» и политическую окраску. На основании этого решения 19 июля 1991 г. полковник Максим Гаврилович Кириллов был посмертно реабилитирован.

Таким образом, обвинения в измене Родине были сняты, но это отнюдь не означает, что отдельные поступки и действия Кириллова не караются по другим, действующим на тот момент, жестким правовым нормам.

Многие перечисленные выше обвинения, особенно в условиях нехватки старших офицерских кадров и критической ситуации на фронтах, можно было в какой-либо мере объяснить и отчасти «оправдать», ограничиться разжалованием полковника и отправкой его на фронт. Однако самым тяжким эпизодом в общем списке обвинений, предъявленных Кириллову, являлся факт сдачи в плен 9 ноября 1941 г. И Кириллов, и Орлова на допросе подтвердили, что в момент их пленения в блиндаже у полковника Кириллова был автомат, пистолет «ТТ» и немецкий пистолет, но он сопротивления немцам не оказал. Суд имел все основания квалифицировать данный факт как «добровольную сдачу в плен при наличии оружия и возможности оказывать сопротивление». Кириллов был ранен, но вероятнее всего его ранение не было тяжелым, он был в сознании, самостоятельно добрался до госпиталя в Кайдаково и спустя три дня самостоятельно бежал из него.

Действующее на тот момент советское законодательство однозначно определяло правовую оценку фактам добровольной сдачи в плен. Так статья 193 п. 32 Уголовного кодекса РСФСР 1926 г. (в редакции 1941 г.) гласила: «... сдача в плен, не вызывавшаяся боевой обстановкой, или отказ во время боя действовать оружием, а равно переход на сторону неприятеля, влекут за собою — высшую меру социальной защиты с конфискацией имущества» [16]. Как видим, сдача в плен, не вызванная боевой обстановкой, приравнивается предательству и переходу на сторону врага. Приказ Ставки ВГК № 270 от 16.08.1941 г. развил эту установку, обязав каждого военнослужащего, оказавшегося в окружении, сражаться до «последней возможности», а тех, кто предпочтет вместо отпора врагу сдать в плен, — «уничтожать их всеми средствами» [12].

Имея детальное описание действий комдива, налицо и «факт сдачи в плен», и отказ в условиях окружения «сражаться до последней возможности». Суд имел все основания вынести Кириллову самое суровое наказание. Одновременно с этим можно констатировать, что решение,

принятое судом в отношении Максима Гавриловича, по форме неправомерно (в части обвинения в измене Родине), но законно по своей сути. В дополнение ко всему факт сдачи в плен дополнялся другими, тяжелыми обвинениями, указанными выше.

Судьба полковника Кириллова представляет собой не только человеческую трагедию, постигшую преданного стране и народу профессионального военного, но и бескомпромиссность и жестокость советской судебно-карательной системы, которая так же, как и все, вела борьбу с врагом и приближала нашу Победу. Дело и решение суда в отношении М. Г. Кириллова — это результат действий советской правоохранительной системы в борьбе с опаснейшими для Красной Армии и всей страны явлениями, такими как сдача в плен, уклонение от борьбы с противником и пр. Особую опасность эти явления представляли в начальный период войны, когда многие сотни тысяч солдат и командиров были пленены, а врагом были захвачены значительные территории.

Рассматривая трагическую судьбу полковника Кириллова, уместна постановка вопроса: был ли этот случай единичным, или он являлся типичным для военного периода?

Известным является факт расправы с командованием Западного фронта летом 1941 г. 8 октября 1941 г. по приказу наркома Л. П. Берии без какого-либо приговора суда или даже решения внесудебного органа были расстреляны 20 человек — генералов и ответственных работников Наркомата обороны. 23 февраля 1942 г. по представлению того же Берии и согласования со Сталиным были расстреляны 46 арестованных, «числящихся за НКВД СССР». Среди них были 17 генералов и несколько крупных работников оборонной промышленности. Статистика более чем печальная. Если взять имеющуюся информацию о гибели генералов РККА за 1941 г. (июнь-декабрь), то по имеющимся данным погибло, умерло от ран в ходе боевых действий 74 человек, 27 — было репрессировано [11, с. 68, 69].

Одновременно с этим имеется достаточное число свидетельств о прекращении судебных преследований в отношении многих старших командиров. Так, командующий 31-й армией, генерал-майор Долматов В. Н. после отступления от Вязьмы был подчинен 29-й армии генерала Масленникова и назначен начальником Ржевского гарнизона. Однако организовать оборону города не удалось, 14 октября 1941 г. немцы взяли Ржев. Ставка отдала распоряжение арестовать и предать суду военного трибунала генерал-майора В. Н. Долматова, начальника его штаба полковника Н. П. Анисимова, начальника политотдела полкового комиссара

Н. Ф. Медведева. Однако в ходе проведенного расследования вина указанных лиц в совершении преступных действий не была установлена, и прокуратура предложила наказать их в дисциплинарном порядке. Также военная прокуратура прекратила уголовное дело в отношении генерала Ф. Д. Захарова, которого Жуков приказал отдать под суд за «сдачу города Клин» [4, с. 184, 185].

Не менее трагична была судьба другого командира 38-й стрелковой дивизии (правда, уже третьего формирования), полковника А. Д. Короткова. Он был отдан под суд Военного трибунала в ходе Корсунь-Шевченковской операции. Трибунал вынес следующее решение: «...Командир 38 СД полковник Коротков преступно отнесся к выполнению святого долга, в момент атак противника на участке дивизии устранился от руководством боя и оставил НП дивизии, не дав никаких указаний командирам полков, ушел в штаб дивизии, где бездействовал...оторвавшись от штаба, бесцельно болтался между отходящими группами...предложил штабу «выходить из окружения» ... «Полковника Короткова, предавшего интересы Родины, преступно нарушившего приказ НКО № 227-42 и допустившего самовольный отход дивизии с занимаемых рубежей, военный трибунал фронта, как изменника Родины, приговорил к расстрелу...» [4, с. 565]. Коротков был расстрелян перед строем начальствующего состава дивизии в январе 1944 г. Перед казнью полковник пытался что-то сказать, но его рот был завязан кляпом.

14 июля 1942 г. полковнику Кириллову Максиму Гавриловичу был вынесен приговор — высшая мера социальной защиты (расстрел). Приговор был приведен в исполнение 5 сентября 1942 г. Заслуживает внимания последняя фраза, произнесенная полковником М. Г. Кирилловым после вынесения приговора: «Врагом Родины не был и не буду. Хочу честно погибнуть за Родину и прошу направить меня на фронт» [1, л. 161]. Однако такого права Родина, в лице военного трибунала, ему не предоставила. Трагедия полковника М. Г. Кириллова наглядно показывает не только сложность, противоречивость и трагизм судеб военнопленных, оказавшихся в условиях окружения и плена, но и необходимость детального и скрупулезного изучения каждого конкретного случая в отдельности.

Литература

1. Архивный отдел Управления Федеральной службы безопасности по Смоленской области (АОУФСБСО). Д. 2511с. Кириллов Максим Гаврилович.
2. Афанасенко В. А. «Предавший партию и лично товарища Сталина». Полковник Максим Гаврилович Кириллов комендант Ростова, командир 38-й Донской ди-

- визии. Электронный ресурс. Режим доступа: [http://www.donvrem.dspl.ru/Files/article/m4/2/art.a\\$bx?art_id=512](http://www.donvrem.dspl.ru/Files/article/m4/2/art.a$bx?art_id=512) (дата обращения 14.04.2022).
3. Великая Отечественная война 1941–1945. Военно-исторические очерки в четырех книгах. Книга первая. — М., 1998–1999. — 541 с.
  4. Звягинцев В. Е. Война на весах Фемиды: война 1941–1945 гг. в материалах следственно-судебных дел. — М.: «Терра», 2006. — 767 с.
  5. Исаев А. В. Котлы 1941-го: История Великой Отечественной войны, которую мы не знали. — М., 2005. — 398 с.
  6. Комаров Д. Е. Великая Отечественная война на вяземской земле. — Смоленск, 2009. — 556 с.
  7. Комаров Д. Е. Пресса германских властей на оккупированной территории СССР // Отечественные архивы. 2005. № 2. — С. 44–52.
  8. Комаров Д. Е. Эксплуатация фашистской Германией экономического потенциала временно оккупированных территорий СССР. 1941–1944 гг. Дис. ... канд. ист. наук. — Смоленск, 2001. — 281 с.
  9. Комаров Д. Е. Народное ополчение на смоленской земле // Военно-исторический журнал. № 4. 2005. — С. 31–35.
  10. Неизвестные страницы истории войск национальной гвардии Российской Федерации. Выпуск 2. — М., 2017. — 144 с.
  11. Партизанская борьба с немецко-фашистскими оккупантами на территории Смоленщины в 1941–1943 гг. Документы и материалы. — Смоленск, 1962. — 520 с.
  12. Партийная непорочность. Реквием 38-й сд. Электронный ресурс. Режим доступа: [http://отечестворт.рф/\\$prav/001/004.htm](http://отечестворт.рф/$prav/001/004.htm) (дата обращения 14.04.2022).
  13. Печенкин А. А. Потери генералов Красной Армии в 1941 г. // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета: философия, педагогика, психология. — Киров, 2017. — С. 67–71.
  14. Приказ Ставки верховного главнокомандования Красной Армии № 270 // Военно-исторический журнал. 1988. № 9. — С. 26–28.
  15. Рокоссовский К. К. Солдатский долг. — М., 1988. — 367 с.
  16. Смоленская область. Книга Памяти (4 том дополнительный). — Смоленск, 2002. — 440 с.
  17. Тверд М. Подпольный госпиталь. Смоленск, 1963. — 155 с.
  18. Уголовный кодекс. — М., 1941. — 222 с.
  19. Цырендоржиев И. Восстанавливая справедливость // Красная звезда. 15 мая 2012 г.
  20. Щербаков В., Афанасенко В. Реквием по СД-38. — Ростов-на-Дону, 2000. — 63 с.